

1

Воскресенье, идём на Пикет!
С каждым шагом – подъём тяжелее.
Сеет дождь, и лесок в молоке,
но дорога – белеет, светлеет.

Я тянусь за друзьями туда,
где легко сбросить горести в реку.
И течёт с поднебесья вода,
и дышать хорошо человеку.

Где-то здесь он сидел в тишине,
расправляя могучие крылья...
Кто бы знал, что Господь в Шукшине
боль вселенскую на люди выльет...

2

Осилю горочку крутую
и – обниму весь белый свет,

пойму здесь истину простую,
которой чище, горше нет:
всё положить за синь родную,
за землю русскую – сполна
и выбрать песню молодую,
уйти туда, где жизнь вольна –
на поиск Правды, слов ядрёных,
на поиск верности, добра,
уйти с Катунью разъярённой
к свинцовым ветрам октября.
И знать всегда,
покуда совесть
свербит мне сердце –
вечны дни,
всё длится сельской жизни повесть,
неиссякаем гор родник.

3

Гора Бекет, гора Манак,
Катунь посередине.
Со мною рядом
друг-кунак
в пальтишке из ватина.
Чужой души здесь не бывать,
родные мы издревле,
кукушке долго куковать,
пусть Бабурган не дремлет.
На страже духа век стоят
и горы, и туманы,
они в себе любовь таят,
как сок земли баданы.
И, чтобы родина жила,

стоять нам друг за друга!
Кто из Москвы, кто из села,
мы все – собрались кругом.
Гора Бекет, гора Манак,
Катунь посередине,
и с ними добрый в жизни знак –
шукшинские картины.

4

Ничего не боялся,
жил всегда для души,
никому ведь не клялся,
шёл из дальней глуши.
Там, взаправду, так тихо,
что услышишь порой,
как поёт облепиха
по-над синей горой.
Если кто и разбудит
моську рыжую вдруг,
то – по улочкам бродит
неприкаянный друг.
Он идёт, бесконвойный,
и дивится заре,
песне новой, прикольной,
у костров дикарей.
Нараспашку рубаха
и круты желваки,
и зелёная птаха
не слетает с руки.

5

Отцвела калина по тебе весной.
Галечник да глина за кривой сосной.

Холодна водица у реки Катунь,
обжигает лица горный колотун.

Вызревает в гроздях новый ясный день,
над селеньем Сростки бродит чья-то тень.

И темнеет синька высоко в горах...
Мне б синицей тенькать на семи верстах,

раз бы мне напиться жадно из ведра,
вдоволь нагрузиться горького добра.

6

Идёт с горы Пикет в простой рубахе парень,
несёт в руках букет из васильков и мари
гостям и землякам, родимой облепихе,
что светит далеко – полям овса, гречихи.

Он в праздник, раз в году, приветит всех на свете,
и с ним всегда – Катунь, Алтая тёплый ветер.
Сюда идёт народ подумать о бессмертье,
найти душе оплот в житейской круговерти.

И пусть у школы в ряд цветут извечно флоксы,
поведать каждый рад судьбе звонкоголосой –
о яростных годах и незабытых зорях,
о радости труда и Чёрной речки горя.

7

Шукшин вернулся на Пикет
подумать
о деревне милой,
чтобы не сгнил родной штакет,

не затянуло б
душу илом.

Подумать
о тебе и мне,
как жить
простому человеку,
коль не станем умней
для термоядерного века.

И,
душу мыслями свербя,
забыв о сапогах, мундире,
он,
видимо,
вобрал в себя
всю черноту
больного мира.

8

Шумит Катунь...
Неудержимо
её движение вперёд...
Клокочет в струях его имя,
и вечность камень мерно трёт.

В разливах –
удаль молодая,
в водоворотах – буйство сил,
дрожит
прожилка золотая
на тонкой солнечной оси.

И, надрываясь на порогах,
летя в неведомую даль,
Катунь раскручивает сроки,
как бы у времени спираль.

Ещё дела,
ещё заботы
и трудный день – спасибо дню,
ещё несметная работа
расставит жадно западню.

Там бьётся жизни кинолента,
звонит калины спелой гроздь,
а на плечах – наказов центнер
лежит... Его – попробуй сбрось!..

И в шуме вечном,
неустанном,
я берегу в своей судьбе
Алтайский край,
Пикет,
баданы
и стоны диких голубей.

